

"О чём не следует говорить, о том следует молчать": Л. Витгенштейн и С. Кьеркегор об этическом и вере.

Научный руководитель – Драгалина-Чёрная Елена Григорьевна

Каменцева Марина Александровна

Студент (магистр)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет гуманитарных наук, Москва, Россия

E-mail: makamentseva@gmail.com

Как может показаться, экзистенциализм и аналитическая философия - традиции, находящиеся на разных полюсах в силу специфики своего предмета изучения, а также методологии. Если мы возьмём двух ярких представителей данных направлений - Сёрена Кьеркегора и Людвиг Витгенштейна - можно сразу обратить внимание на их несоизмеримость в специфике философского подхода, но есть схожие черты в понимании этики. Этическое, в первую очередь, соотносится с *переживанием*, с определённым *мироощущением*. Этика как основа для нравственности человека не сводима к языку или же к рассудочной рефлексии, но опирается первоначально на жизненный опыт человек, на его переживание ситуации в мире.

Тезисы:

1. Вопрос веры не соотносится с принципами разума в силу того, что вера в своём основании не носит элемент рационального. Сколько не было бы доказательств, апеллирующих к разуму как первичному элементу бытия человека, всё же вера носит момент иррационального в силу «объекта» исследования и верования. При этом эти два модуса существования человека присутствуют одновременно в жизни субъекта (Кьеркегор). Реализация этического происходит в действии субъекта и это действие связывается с миром в целом. Это определённое изменение картины мира, а также образа действий и мыслей, поэтому невозможно говорить об абсолютной невыразимости этического (или же мистического) (Витгенштейн) *«6.421 Ясно, что этика не может быть высказана. Этика трансцендентальна.*

(Этика и эстетика едины).

Можно предположить, что как у Кьеркегора, так и у Витгенштейна субъект-объективная картина мира снимается именно в этике. Она элиминирует точный принцип определения обеих частей классической философии и даёт новую возможность взглянуть на принцип переживания, который является новым основоположением действия в мире как такового.

2. *«Неизменная, неизповедимая воля Всемогущего, и Господь сам отзывалдтия. Не то с Авраамом. Ему пришлось выдержать более тяжкое испытание: судьба Исаака была вложена вместе с ножом в руки отца. И вот он, старик, стоял перед своей единственной надеждой! Но он не усомнился, не озирался боязливо по сторонам, не докучал небу своими мольбами. Он знал, что его испытывает Сам Господь Всемогущий, он знал, что от него требуется тяжчайшая жертва, но знал также, что никакая жертва не должна казаться слишком жестокой, раз Господь требует ее: и он занес нож». Авраам, как свободный индивид, жертвует своим сыном, пренебрегая своими интересам и желаниями, во имя Бога, потому что иначе он поступить просто не может. С точки зрения религии, он приносит жертву, но если взять позицию этического, то это совершение убийства. В этот момент рождается страх, что, возможно, поступок может быть неправильным, неверным. Свободное действие детерминировано ужасом перед Божьим всемогуществом.*

«Этическим выражением действия Авраама было стремление убить своего сына, религиозным же - стремление принести его в жертву; однако в этом противоречии заложен тот самый страх, ... Авраам не был бы тем, кто он есть, без такого страха». В данный момент специфическим образом смешивается разумное понимание деяния, а затем, это рациональное снимается

сакральным. Но нельзя говорить о том, что в этом процессе отсутствует один из элементов (Кьеркегор).

Ценность этического лежит внутри него и никак не зависит от остальных фактов. Всё же мы всегда соизмеряем ценность с субъектом, который даёт этическую оценку. Само же награждение или наказание реализуется непосредственно в процессе действия. Отсюда вытекает тот факт, что этическое реализуется как нечто, что непосредственно связано с настоящим моментом и самим субъектом.

Этическое действие даёт нам возможность убрать фактичность мира на задний план, выдвинув в него то, что не вполне выразимо, а также то, что не соотносится с общепотребительным понятием морали. Это действие не отменяет чего-либо внутри мира, но позволяет по-новому взглянуть на него и пережить его совершенно иначе.

3. Парадоксальность сосуществования свободы воли и детерминированности жизни Богом: человек осознаёт свой долг перед Творцом как существо верующее и поэтому его желания всегда должны соотноситься с христианской этикой, но такое должествование напрямую не может быть определено к Богу, и поэтому оно всегда коррелирует по отношению к другому и к самому себе. Смешение сакрального и профанного порождает противоречивость человеческого существования. Кьеркегор утверждает, что для нас первично этическое как выражение сакрального, но без профанности мы не могли бы говорить об этическом (Кьеркегор).

«6.432 <...> Бог не проявляется в мире»

Явление Бога намного глубже того уровня языка, который позволяет нам его осмыслить. Сама суть его лежит вне мира также как смысл жизни («Решение загадки жизни в пространстве и времени лежит вне пространства и времени»). Мы можем говорить о том, каким образом мы его переживаем как нечто абсолютно ценное для нас. *«Вам не услышать, как Бог говорит с кем-то еще, вы можете услышать Его, только когда Он говорит с вами».*

Если мы утверждаем, что Бог и сакральное (что в изначальном своём положении примерно одно и то же) внеположены миру и всякой фактичности, не может ли возникнуть угроза того, что на этом основании мы сможем оправдывать любую форму религиозного фундаментализма, так как фанатизм религиозного толка исходит из «тех же оснований», которые утверждают Витгенштейном и Кьеркегором?

4. Человек впадает в ужас и отчаяние потому, что он не может осознать, правилен ли его выбор, стоит ли совершать это действие и можно ли его считать его истинно христианским. Человек пытается осмыслить, может ли данный поступок претендовать на то, чтобы называться христианским. Именно в этих поисках рождается христианское понимание свободы «... каким парадоксом является вера, парадоксом, который способен превратить убийство в священное и богоугодное деяние, ... , парадоксом, который неподвластен никакому мышлению, ибо вера начинается как раз там, где прекращается мышление» (Кьеркегор)

«6.423 Нельзя говорить о воле как носителе этического...»

6.43 Если добрая и злая воля изменяет мир, то она может изменить только границу мира, а не факты, не то, что может выразиться в языке». Сам факт действия может менять взгляд на мир, и тем самым изменять его границы, но сами факты в мире при этом остаются прежними. Этическое даёт возможность взглянуть на мир под другим углом, и

тем самым наполнить его неким пониманием ценности. Граница изменяется (наполняется этическим содержанием) не под воздействием воли, но с помощью определённого действия, в котором наличествует этическое содержание. Таким образом, само действие проистекает не из воли субъекта, но оно неким образом связано с глазом, которое обладает полем зрения, и сам этот глаз не видит себя со стороны. Это определённая форма восприятия мира, на которую извне не взглянешь (Витгенштейн).

Принципиальное утверждение, что воля субъекта (который уже является снятым в этическом действии) и переживание ужаса могут ограничивать человеческое существо в мире, не является верным, так как волевая установка «субъекта» не только преобразует границы мира и привносит определённым образом ценность в него, но и позволяет оценить все возможности этого проявления и изменения миропонимания человека, а переживание ужаса раскрывает не ограниченность, но осознание огромной свободы и ответственности. У Витгенштейна и Кьеркегора ужас и воля субъекта имеют одну и ту же функцию - обозначить не только границу мира, но и выразить свободу, которая возможна только благодаря этическому.